

УДК 811. 161.1

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАЧЕСТВЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В РУССКОМ НОВЕЙШЕМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ (на материале романа Елены Чижовой «Китаист»)

АРЗЯМОВА Ольга Витальевна,

кандидат филологических наук,

доцент кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы,

Воронежский государственный педагогический университет

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается проблема организации русского художественного дискурса с точки зрения функционирования в нем качественных трансформаций, которые оказывают существенное воздействие на композиционно-речевую организацию текста. Делается вывод о том, что точечные, локальные и глобальные трансформации взаимодействуют друг с другом, являясь маркерами определенного типа речевой культуры. В рамках художественного дискурса глобальные качественные трансформации отражают деструктивное состояние современного русского языка, в речевой реализации которого в настоящее время преобладают единицы сниженного стилистического яруса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: текст, художественный дискурс, композиционно-речевые структуры, точечные, локальные и интегральные трансформации.

THE LINGUISTIC REPRESENTATION OF QUALITATIVE TRANSFORMATIONS IN THE RUSSIAN MODERN FICTION DISCOURSE (based on the novel by Elena Chizhova "Sinologist")

ARZYAMOVA O.V.,

Cand. Philolog. Sci., Docent of the Department of Russian Language,

Modern Russian and Foreign Literature,

Voronezh State Pedagogical University

ABSTRACT. The article considers the problem of organization of the Russian modern fiction discourse from the point of view of the qualitative transformations functioning that have a significant impact on the compositional and speech organization of the text. It is concluded that point, local and global transformations interact with each other, as a highlighter of a certain type of speech culture. In the framework of the fiction discourse global quality transformations reflect the destructive state of the modern Russian language, in the speech of which the units of reduced stylistic layer are currently dominated.

KEY WORDS: text, fiction discourse, compositional linguistic structures, point, local and integral transformations.

Динамические процессы, проявляющиеся «в трансформациях структурной организации национального русского языка в целом и в трансформациях её составляющих» [1, с. 96], постоянно привлекают внимание лингвистов. Интерес к эволюции русского языка подтверждается многочисленными исследованиями, в которых анализируются основные тенденции, происходящие в его лексико-семантической и стилистической системе, в территориальных и социальных разновидностях, а также в художественной речи. (См. работы О.В. Загоровской, Л.П. Крысина, Е.И. Литневской, О.Г. Ревзиной, О.Б. Сирогининой, И.А. Стернина, В.К. Харченко и др.).

Применительно к сфере художественного дискурса характеристика и системное описание динамических процессов является важным аспектом для объективного определения ведущих языковых / речевых новаций, происходящих в русской художественной литературе в целом, и которые в даль-

нейшем могут быть использованы с целью разграничения среди них нормативных (узуальных), потенциальных и индивидуально-авторских (оказиональных). Кроме того, изучение трансформационных явлений, репрезентируемых в русском новейшем художественном дискурсе, позволяет выявить основные языковые изменения, наметившиеся в переломный период развития общества, с конца XX – начала XXI века, и проследить их развитие с позиций актуального времени.

Целью данной статьи является характеристика качественных трансформаций, которые находят своё выражение в композиционно-речевых структурах (в дальнейшем КРС – О. Арязмова) романа Елены Чижовой «Китаист» и опосредованно свидетельствуют о ведущих динамических тенденциях, репрезентируемых в русском литературно-художественном дискурсе XXI века.

Разделяя точку зрения О. Г. Ревзиной, полагаем, что среди трансформаций, которым могут быть подвержены КРС художественного текста, следует разграничивать: 1) количественные, 2) качественные, 3) коммуникативные (О. Г. Ревзина называет их

«структурными») [2, с. 68-102]. Мы, в свою очередь, предлагаем добавить к ним: 4) жанровые, 5) пунктуационно-графические (метаграфемные), 6) интертекстуальные (межтекстовые) [3, с. 168-171]. Считаем, что данные трансформации отражают актуальные процессы, происходящие в новейшем русском художественном дискурсе, и свидетельствуют о его стремительном развитии.

Особо выделяя качественные трансформации, О. Г. Ревзина характеризует их следующим образом: «Качественные трансформации авторского монологического слова предполагают, по определению, то или иное отступление от нормативного языка и широкое использование стилистических, а также индивидуально-авторских выразительных средств. Качественные изменения могут быть точечными (одиночное вкрапление иностилевого элемента), фрагментарными (локальными) или глобальными [2, с. 87].

Анализ романа Елены Чижовой «Китаист» (2017) [4] показывает, что в нем представлены все типы качественных трансформаций, которые, в свою очередь, указывают на то, какие именно семантико-стилистические изменения претерпевают единицы языка в композиционно-речевых структурах художественного текста.

Перед тем как перейти к характеристике качественных трансформаций, следует сказать, что новый роман Елены Чижовой, написанный в жанре антиутопии, представляет собой художественный симулякр, в котором, согласно замыслу автора, история распорядилась по-другому. СССР не смог победить в Великой Отечественной войне, и советским войскам пришлось отступить до Урала. Военные действия продолжались до полного изнеможения обеих сторон, и только в 1956 году, когда уже некому стало воевать, противники заключили перемирие, согласно которому территория Центральной России перешла к Четвертому рейху, а СССР сохранил за собой земли, расположенные за Уральским хребтом.

Знаковой чертой романа становится новояз, так называемый «нем-русский язык», на котором общаются жители Новой России, теперь принадлежащей Германии, в отличие от литературного «сов-русского языка», который продолжают сохранять и использовать граждане Советского Союза.

1. Точечные качественные трансформации представлены, например, в следующем фрагменте текста:

«Единственное расхождение, по которому так и не удалось прийти к компромиссу, – ширина рельсовой колеи. Для себя Россия оставила прежнюю, европейскую. Это одностороннее решение – за которым советское руководство усмотрело следы былой враждебности, вызвало резкую отповедь. Наше внешнеполитическое ведомство, рупор ЦК КПСС, выпустило специальный меморандум, возложив всю ответственность за нарушение сроков пуска железнодорожной ветки на российский Рейхстаг. В ответном меморандуме «их Москва» заявила, что Россия «туточки ваще не при делах», дескать, российские инженеры предлагали недорогое, но весьма конструктивное решение, которое противоположная сторона отвергла без объяснения причин. Обмен жесткими нотами вызвал панические слухи: мол, проект повис на волоске. Или вовсе заморожен. Через год выяснилось, что это не соответствует действительности...» [4, с. 16].

В данном контексте лексическо-стилистические средства: *единственное расхождение, одностороннее решение, советское руководство, следы былой враждебности, рупор ЦК КПСС, внешнеполитическое ведомство, специальный меморандум, конструктивное решение, обмен жесткими нотами*) обладают книжной функционально-стилистической окраской, характерной для общественно-политического дискурса советской эпохи. Сниженное просторечное выражение «*туточки ваще не при делах*» и разговорно-фамильярное «*их Москва*», оформленные автором в кавычки, явно не соответствуют контексту и диссонировать стилистической тональности текста, являясь наглядными «иностилевыми элементами».

Точечные трансформации также могут выделяться курсивом. Например, в следующем фрагменте текста, относящемся к авторскому монологическому повествованию, иностилевое слово *поддон* сначала выделяется курсивом и сопровождается уточнением – «на жаргоне газетчиков», а затем заключается в кавычки:

*«...За короткий срок наши инженеры, трудясь стахановскими темпами, создали собственную оригинальную конструкцию – спецприспособление, на жаргоне газетчиков **поддон** (в тексте выделено курсивом – О. Арзамова), с помощью которого кузов советского вагона легко и просто приподнять и переставить на российскую ходовую часть.*

Выступая на торжествах, посвященных открытию прямого сообщения, официальные лица призывали к дальнейшему более тесному сотрудничеству, основанному на взаимном доверии, больше не помяная ни неприятный эпизод с «поддоном», ни – если брат шире – долгий и трудный путь, который СССР и Россия прошли от Соглашения о перемирии, коим завершилась страшная кровопролитная война, до полноценного Мирного договора, подписанного 20 мая 1978 года, – в обеих сопредельных странах одинаково праздничный день» [4, с. 16-17].

Передаваясь с помощью курсива, точечные трансформации могут указывать на изменение семантики графически выделяемой лексемы:

*«Когда вступал в комсомол, выдали анкеты. Написал: **пал смертью храбрых** (в тексте выделено курсивом – О. Арзамова) – в графе «отец». Как все, у кого погибли отцы. Например, отец его сестры. На другой день вызвали в комсомольскую комнату. Старшая вожатая выдвинула ящик, достала его анкету: «Ты не имеешь права. В твоём случае следует писать **погиб** (в тексте выделено курсивом – О. Арзамова), – зачеркнула, исправила своей рукой. – Возьми домой и перепиши» [4, с. 59].*

Книжное, возвышенное выражение «пал смертью храбрых» в контексте противопоставляется слову *погиб*, которое, изменяя своё смысловое значение, приобретает отрицательные оценочные коннотации:

*«Твоим сестрам повезло. На их отца пришла похоронка. Ты уже взрослый, должен понимать, – голос, тусклый, померкший, не оставляющий никакой надежды, – **погиб** – клеймо, останется на всю твою жизнь. Всюду, куда ни придешь, придется заполнять анкеты...» [4, с. 60].*

В то же время нейтральное слово *бойцовский* контекстуально приобретает положительные коннотации:

«Или, например, «бойцовский» – слово, для него самого связанное исключительно с петухами. Но здесь, в России, оно считалось синонимом смелости, например, «бойцовский поступок» – будто смелость россиянина обязана петушиться, наскокивать на противника, лезть на рожон. Еще одну характерную деталь он обнаружил на последних страницах местных газет, где помещались частные некрологи. Каждый усопший из черных, вне зависимости от его биографии, именовался «проверженным борцом» [4, с. 148].

2. Локальные трансформации представляют собой включение в определенную композиционно-речевую структуру текста языковых единиц, относящихся к контрастному, диссонирующему стилистическому ярусу. По сравнению с точечными трансформациями, они не могут быть сведены к одному или двум отдельным словам и обычно проявляют себя на фоне нескольких субъектных точек зрения:

«В первых рядах, где сидели почетные гости конференции, поднялся сдержанный ропот. Ректор, возглавляющий президиум, поднес к губам микрофон:

– Напоминаю высокому собранию. При всем кажущемся радикализме, этот лозунг отвечает нашим исконным традициям. В трудной, противоречивой истории нашей страны – в самом широком понимании этого слова – были годы, когда евреи, ветераны Первой мировой войны, не подвергались преследованиям. А если такое и случалось – разве что по ошибке. Но как говорят наши советские коллеги, не ошибается тот, кто ни хера не делает, – представитель администрации сбился на родной нем-русский, но это, видно, и сработало: ропот стих» [4, с. 154].

Выделенные нами курсивом слова, явно не соответствуют официальной актовоей речи ректора. Являясь локальной трансформацией известного выражения: *Не ошибается тот, кто ничего не делает*, они осложняются комментариями героя-повествователя: «представитель администрации сбился на родной нем-русский, но это, видно, и сработало: ропот стих»

Приведем другой пример, в котором представлены две субъектные точки зрения – докладчика и героя-повествователя, который со своей позиции оценивает происходящие события. В речи докладчика преобладает оскорбительная и разговорно-просторечная лексика, которая выполняет функцию локальной трансформации:

«Сегодняшний докладчик выступал на нем-русском. То грубые, то простонародные выражения, не говоря об ошибках, сбивали с толку. Но дело не в языке. Уже из вводной части стало понятно: налицо чудовищная подмена. *Гады, твари, подонки, несущие смерть Европе* (в тексте выделено курсивом – О. Арязмова), – это развернутое определение, вопреки исторической очевидности, вступающий относил не к фашистам, а к нашим. Большевикам. Глядя в чужие затылки, он ждал, что кто-нибудь из гостей встанет и опровергнет зарвавшегося захребетника (тот же, например, Пейн – англичанин, задававший острые вопросы на пленарном заседании), – но аудитория слушала, словно не замечая: профессор Санкт-петербургского университета несет откровенный бред: *Мы маленечко врезали, ну, совки и драпанули, сверкая*

пятками... Наши восточные партнеры привыкли делать из нас идиотов, ага, прямо! – в зеркало поглядите (в тексте выделено курсивом – О. Арязмова)...» [4, с. 198].

3. Глобальные качественные трансформации представлены в тех случаях, когда ненормативные (субстандартные) языковые единицы проявляют свои характеристики в составе целой композиционно-речевой структуры текста и полностью вытесняют кодифицированные словесные знаки.

Например, речь телеведущего является примером глобальной трансформацией, в которой языковые единицы сниженного стилистического яруса полностью замещают нейтральную и книжную лексику:

«– Короче. Рискаю отдать свой жизнь, сфоткал. Так што нехер чаи распивать и сардельки трескать. Успеете. Все для вас – вон, полные варенхаузы. Кому сказал! Рыла не воротим, сидим, мля, и смотрим, как жертв беззакония загоняют в спец-автомобили. Через час, когда вы натрескаетесь как свиньи, они, мученики кровавого режима, окажутся за решеткой, где к ним применяют спецметоды, о которых мы, живущие в свободной демократической стране, и понятия не имеем. Нималсь не имели! И не будем иметь! – висельник снова взвыл и, вскинув руку, прицелился в студийный экран. – Вон они, страдальцы! Ох, горе-то какое! Даже я, казалось бы, взрослый человек, обесчеленный... Гляжу и плачу... – выхватил из нагрудного кармашка платок, желтенький, под цвет галстука. – А вы... Хрен от вас дожدهшься. Нищета подзаборная. Шелупонь, – трубно высморкался, смял и сунул в карман» [4, с. 360].

Другим примером глобальной трансформации, является нем-русский перевод романа Ф. М. Достоевского, с фрагментом которого знакомится главный герой романа Е. Чижовой:

«В конце ноября, хотя снега ваще-то не было, по утрянке, часов эдак в девять, цуг Питерско-Варшавской железки на быстрой скорости гнал к Петербургу. За окном стоял такой собачий холод и туман, что, казалось, хрен рассветет. В десяти шагах, вправо и влево от дороги, фиг разглядишь чо-нибудь из вагенфенстера. Из пассажиров были те, которые валили назад из-за бугра; но больше всего набилось в отделение для желтых, какая-то мелкая сволочь и подонки с ближних станций. Все обалденно устали, у всех глаза в кучу, мозги раком, к тому же продрогли как собаки, морды бледно-желтые, вроде под цвет тумана...» [4, с. 340].

4. Способом взаимодействия локальных и глобальных качественных трансформаций служат диалоги героев, представителей разных политических систем: советской и нацистской. Главный герой романа, Алексей Руско, живет в Советском Союзе. Он говорит на правильном так называемом «сов-русском» языке, и его речь соответствует литературной норме. Отдельные разговорные слова и выражения (в основном по идеологическим причинам произнесенные про себя) позволяют отнести его к носителям так называемого «литературно-разговорного» типа речевой культуры. Его собеседница, «немецкая овчарка», «узколицая девица, похожая на щучку», является носителем сниженного, фамильярно-разговорного типа речевой культуры (См. о типах речевой культуры в работах В. Е. Гольдина, Е. В. Иванцовой, Т. В. Кочетковой, О. Б. Сироти-

ниной, А. П. Сквородникова, И. А. Стернина и др.).

Приведем фрагмент их диалога:

«– Ты оттуда? – она махнула рукой против хода поезда.

Сказать по правде, ее назойливое ты корбило. Но когда к тебе обращаются, глупо сидеть сычом лишь на том шатком основании, что девушки, к которым привык сначала в школе, а потом в институте, и разговаривают, и выглядят иначе. «Не стоит оценивать захребетников по нашим меркам. На то и заграница, чтобы все другое...» – так он подумал, но вслух спросил:

– А что, заметно?

– Ага. – Узколицая девица, похожая на юркую щучку, кажется, отбросила не только уважительное местоимение, принятое меж случайных попутчиков, но и всяческие приличия: откинувшись в кресле, оглядела его с ног до головы.

<...>

– Так. – Девица шевельнула пальцами. – Сидишь, как... дерево.

«Как деревянный», – он понял, что имеется в виду. Впрочем, ошибка, которую она допустила, доказывала очевидное: язык, на котором они, случайные попутчики, разговаривают, для нее не совсем родной. Да она и говорила с акцентом – как все, кто родился и вырос в России. Некоторые из наших, он усмехнулся, пытаются подражать.

– Не выдумывай, – решил не чиниться и тоже перейти на «ты». – Долгая дорога. Устал.

– Так ты чо, не с Москвы?

– Я из Ленинграда. «Из всех русских предлогов „с“ – самый опасный. Ляпнешь не к месту – считай засыпался».

– Ой, нимагу, – девица вдруг застонала. – Пряма сдохну, как трещит...

– Где? – он прислушался, пытаясь уловить посторонние звуки.

– Башка. Со вчерашнего. Утром глаза продрала, всё, думаю, писец...

– Бухали? – он решил блеснуть знанием ее языка» [4, с. 19-20].

Приведенный пример показывает нам, что в речи главного героя преобладают общеупотребительные литературные и литературно-разговорные слова: *корбило, сидеть сычом, захребетников, из наших*. Речь Евы, попутчицы Алексея, представляет

собой пример глобальной трансформации, в которой общеупотребительные литературные и литературно-разговорные слова полностью замещаются лексемами сниженного стилистического яруса: просторечиями и вульгаризмами (*чо, нимагу, не с Москвы, сидишь как... дерево, башка, (глаза) продрала, сдохну, писец*):

Обратим внимание на то, что в следующем фрагменте текста разговорное слово *опешил* (ср. книжное, литературное *растеряться от неожиданности, испуга; смутиться*) заменяется грубым, матерным, которое герой употребляет для того, чтобы объяснить своё состояние попутчице и стать ей понятным:

«– А ты решительная, – сев в кресло, не удержался, хотя и понизил голос. – Знаешь, когда пришел старший офицер...

Девица рылась в сумке, выуживала какие-то бумажки, смяв, пихала в пластиковый мешочек:

– А-а... Этот, – надула щеки. Вышло очень похоже.

– Признаться, я слегка опешил. Девица прищурилась.

– Вас хайст?

– Ну... – он задумался, подбирая синоним из ее лексикона. Вдруг, будто срываясь вниз с ледяной горки, выпалил: – По-вашему: охуел.

– Так бы и грил, – она ответила недовольно. – А то выдумываешь, слова типа всякие.

– Ничего я не выдумываю. У нас...

– Да ладно те, – девица пожала плечами. – Баушке своей гони. Заслушалась на ваших заводах» [4, с. 38].

На наш взгляд, новый роман Елены Чижиной следует рассматривать как роман-провокацию, в котором в гротескно-саркастической манере показано, каким разрушительным воздействием может подвергнуться язык и к каким социально-культурным последствиям это может привести. Качественные трансформации, репрезентируемые в романе (в особенности, глобальные), свидетельствуют о том, что стилистические ресурсы русской речи испытывают агрессивное влияние со стороны субстандартных и некодифицированных единиц сниженного стилистического яруса и демонстрируют негативное влияние фамиллярно-разговорного и просторечного типа речевой культуры на сферу новейшего художественного дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Загоровская, О.В. Типологические разновидности национального русского языка и формы его существования в начале XXI века [Текст] / О. В. Загоровская // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2015. – № 3 (268). – С. 96-101.
2. Ревзина, О.Г. Виноградовские ключи к анализу художественного текста [Текст] / О. Г. Ревзина // Structures & Functions: Studies in Russian Linguistics. Структуры и функции: исследования по русистике. – Tallinn: Publishing House Pushkin Institute. – 2014. – Т. 1. – № 2. – С. 68-102.
3. Арязмова, О.В. Композиционно-речевая организация русского новейшего художественного дискурса в аспекте структурных трансформаций (на материале отечественной прозы XXI века) [Текст] / О. В. Арязмова // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2017. – № 3 (276). – С. 168-171.
4. Чижинова, Е. С. Китаист: роман [Текст] / Е.С. Чижинова. – М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2017. – 604 с.